4-й ГОД ИЗДАНИЯ № 33 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

АВГУСТ Ленинград, Просп. 25-го Октября, 88. Телефон редакции 5-49-78, конторы 1-38-90. 1926 ГОД

Рис. В. Малаховского

С БОЛЬНОЙ ГОЛОВЫ НА ЗДОРОВУЮ...

КАК ОБОРОТИСТЫЙ НАРОД НАЛОГ НА ОБОРОТ

ПРЕВРАЩАЕТ В НАЛОГ НАОБОРОТ

В ПОТЕМКАХ

Душа хулигана — потемки.

Илья Ильич, тот самый, который в рот не берет пива и плачет над мухами, погибающими на липкой бумаге, рассказал нам удивительную историю.

Шел он как-то вечером глухим переулком, который у вас в Москве в разговоре называют: «Большая хулиганка». Из подворотни вынырнула расхлябанная фигура, налетела и сшибла его с ног.

Илья Ильич кротко улыбнулся, сперва приподнялся сам, затем вежливо приподнял свою кепочку и произнес сконфуженно:

— Извините, ради бога! Такая темень!.. Я вас не ушиб?

Хулиган презрительно сплюнул:

— Балда! Я ж тебя, дурака, нарочно! Шляются тут!..

— Хи-хи, — засмеялся из любезности Илья Ильч, — кто же нарочно станет толкаться? Хулиган разве... Вы курите?

— А тебе, слякоть, какое дело?!

— Простите мое любопытство, но я хотел предложить вам папиросочку, — у меня свои, жена, извините, сама набивает... Вот подрастет Зиночка, заставлю ее отцу папиросы делать... Хи-хи... Прошу вас!

Хугиган опешил. Он наклонился к самому носу собеседника, — точно настежь распахнулись перед Ильей Ильичом двери пивной, — и заглянул ему в глаза. Убедившись, однако, что перед ним не сумасшедший, а только дурак, он снова сплюнул и взял сразу пять папирос.

— Нам не по дороге? — осведомился Илья Ильич. — Почему-то, знаете, не принято заговаривать с незнакомыми, но я считаю, что если два человека, с общей психоло...

— Ежели тебя в пивнушку черти несли, буржуйская твоя морда,—так нам определенно по дороге, а ежели ты, лысая сволочь...

Может быть, вы не поверите Илье Ильичу, но я поверил.

Он рассказал нам, как сидел с хулиганом в пивной и занимал его разговором о жене и детях, о своей работе на электростанции, о Пилсудском, о дачах...

Около полночи они расстались. Хулиган, которого Илья Ильич называл уже „дорогим Сергеем Семеновичем“, проводил своего нового друга до самых ворот его дома, крепко жал ему руку и повторял точно в забытьи:

— Комиссия отца Денисия! Ах, сво... Извиняюсь, товарищ! Пардон-с! Бонжур!

Дня через два Илья Ильич встретил его на бульваре. Он вежливо уступил дорогу и, приподнимая свой блин, едва прикрывавший лохматую голову, осклабился:

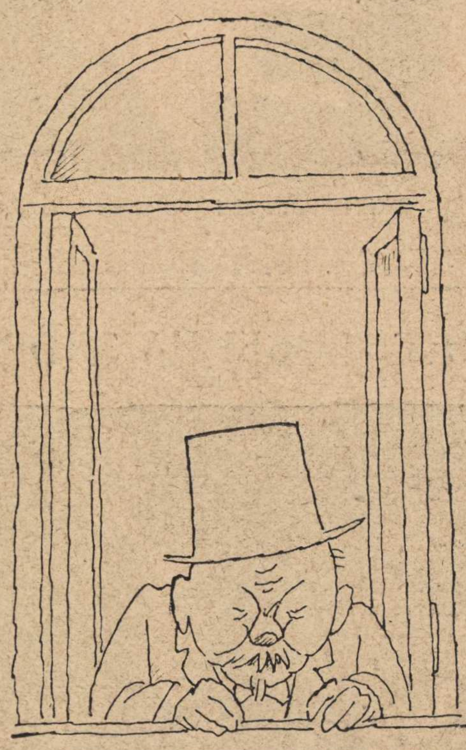
— Честь имеем! Ах сво... Пардон-с!..

И Илья Ильич, со слезами умиления, рассказал, что его Сергей Семеныч теперь работает где-то на складе кладовщиком, пьет только воду, да и ту кипяченую, и ежедневно читает газеты. Даже будто его в местком выбрали на складе...

ЧТО С ВОЗУ УПАЛО...

Рис. Б. А.

Пуанкаре: **—Эх, лежит франк внизу! А как его подымешь, чтобы и самому не спускаться, и наверх никого не пустить... *)**

Всем нам очень понравился рассказ Ильи Ильича. И каждый из нас решил испробовать на собственном опыте новый метод борьбы с хулиганством.

Испробовал и я.

Своего хулигана я встретил днем, на окраине города. Это был тщедушный паренек, одетый франтовато, с папиросой в углу слюнявого рта.

Признаюсь, когда он пошел прямо на меня, я в первую минуту растерялся. Новый метод, метод Ильи Ильича, сразу выскочил у меня из головы.

— А не начать ли со следующего? — малодушно подумал я, отыскивая глазами милиционера, — этот старый и испытанный метод...

Но хулиган не сбросил меня с ног. Он только, если можно так выразиться, слегка задел меня плечом, чуть-чуть отбросив к стене.

— Извините,—сказал я, стараясь улыбнуться, и приподнял шляпу. — Забавный случай, хи-хи...

Результат получился неожиданный.

— Че-го?! — заревел хулиган, подскакивая ко мне.—А это видал? Ссс-во-лочь разнесчастная!

— Как же я могу не увидеть этого, — беспечно засмеялся я, — когда ваш кулак у самых моих глаз? Хи-хи...

Глаза хулигана налились кровью. Он заревел:

— Так ты, сволочь, еще шутки со мной шутить выдумал? Не слыхал Ваньку-Сову, рябая твоя морда?! А это видал-миндал?!

... На одно мгновенье я испытал странное ощущение человека, вдруг собравшегося лететь, — точно крылья вдруг выросли у меня! Я поднялся на воздух, всболтнул ногами и... Но, увы, я был тяжелее воздуха, и с быстротой подстреленной птицы я опустился обратно на панель, не успев даже подставить ноги—прямо, на обе лопатки!

Однако, я нашел в себе силы подавить малодушное желание вскочить на ноги и бежать. Достав портсигар, я сказал, стуча зубами:

— Вы... ку-рите? Пож-жалуйста, про-шу-у-у!..

Портсигар вылетел у меня из рук. Зазвенело стекло. Надо мной мелькнула подошва, искры посыпались из моих глаз...

— Убью, сволочь! — прошипел надо мной голос, похожий на рев сотни львов и леопардов.—У-у, морда собачья! С тобой, как с человеком, а ты дурака валяешь! Получай!..

... Я бежал по улице, теряя и шляпу и голову. А за мной звенели разбиваемые окна, страшно стучали подошвы ног чудовища, и сотни львов и тысячи леопардов рычали мне в самый затылок...

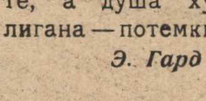
Моя борьба с хулиганством кончилась в объятих постового милиционера.

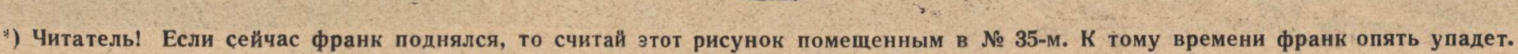
И когда через день я прочел, что Иван Совашкин, он же «Ванька-Сова», за буйство, избиение прохожих и разбитие 24 стекол выслан из города, я вздохнул, признаюсь, с облегчением.

Нет, как хотите, а душа хулигана — потемки!

Э. Гард

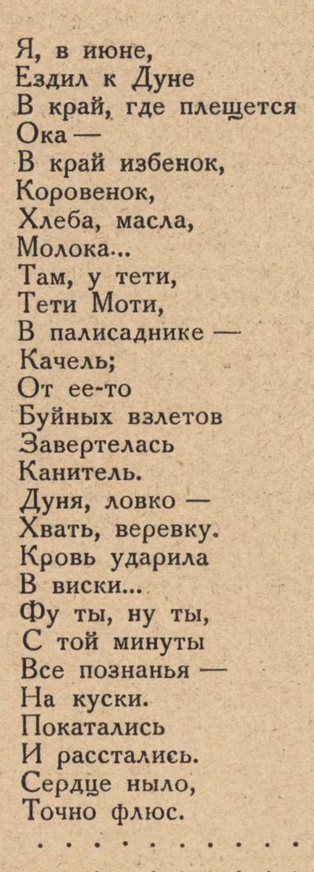

***) Читатель! Если сейчас франк поднялся, то считай этот рисунок помещенным в № 35-м. К тому времени франк опять упадет.**

ПОЧЕМУ Я ПРОВАЛИЛСЯ?

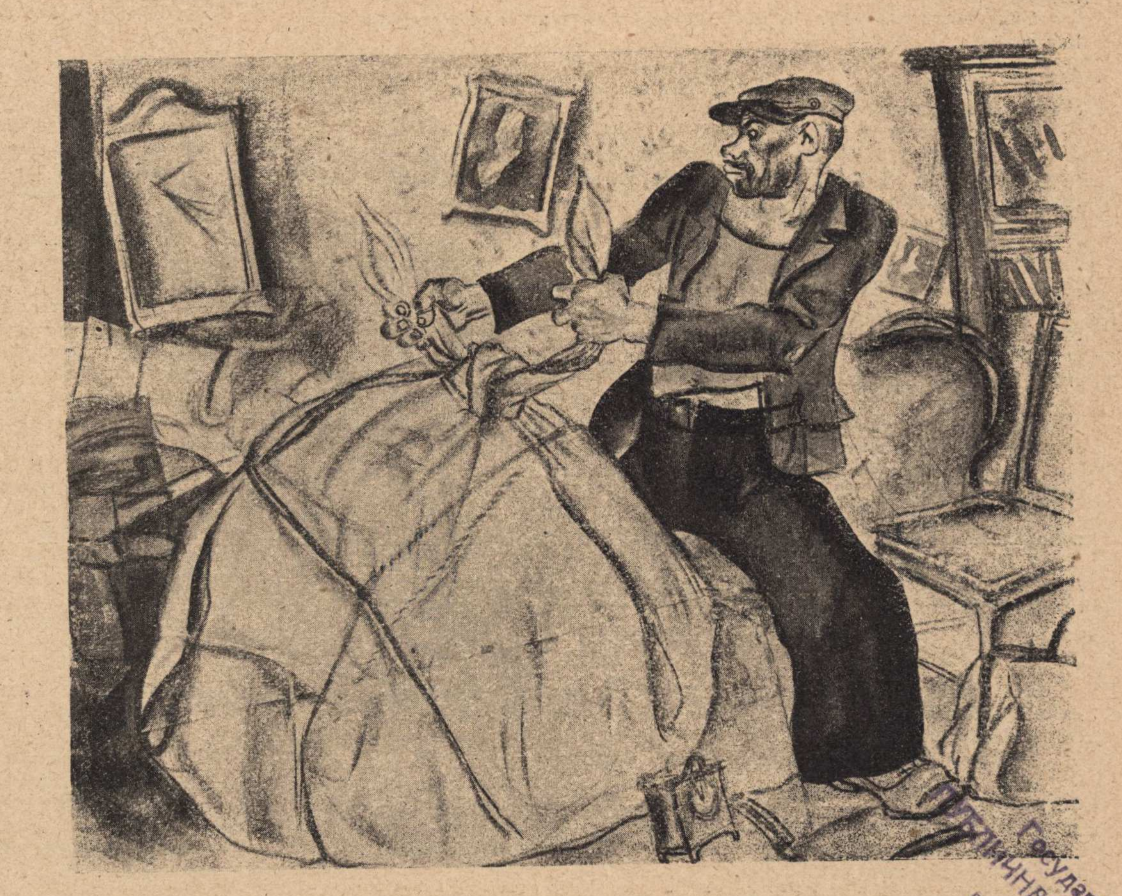

Я, в июне,
Ездил к Дуне
В край, где плещется
Ока —
В край избенок,
Коровенок,
Хлеба, масла,
Молока...
Там, у тети,
Тети Моти,
В палисаднике —
Качель;
От ее-то
Буйных взлетов
Завертелась
Канитель.
Дуня, ловко —
Хвать, веревку.
Кровь ударила
В виски...
Фу ты, ну ты,
С той минуты
Все познанья —
На куски.
Покатались
И расстались.
Сердце ныло,
Точно флюс.
. . . .
. . . .
Я, в июне,
Ездил к Дуне,
А в июле —
Плакал ВУЗ.

Евг. Собельман

УЗЕЛОК НА ПАМЯТЬ, ИЛИ —

Рис. К. Гудакова

ХОРОШО УВЯЗАННАЯ РАБОТА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДРЕВНОСТЬ

В отделении Главнауки получено сообщение о том, что в Ленинграде проживает 118-летний старик, являющийся живым памятником XIX века.

Иду я по улице, а навстречу мне старичек идет, старый-старый.

— Куда, говорю, идешь, дедушка?

— Домой, — говорит, — кормилец, домой иду.

— А сколько,—говорю,—тебе, дедушка, лет?

— Да годков 120 без малого, почитай, будет. Древний я.

— 120 лет?! Значит, ты живой памятник XIX века? И ты все помнишь, дедушка?

— Помню, родимый, как не помнить. Все помню . . . и царя Лександру, и царя Николая, как на площади в народ из пушки палили, и другого Лександру, и Севастополь, и Турецкую кампанию, и Третьего — Пугалу, по вашему, — помню. И на второго Николая поглядел, а теперь и матушку Революцию видеть сподобился.

— Как же это,—говорю,—дедушка, ты один ходишь?

— А что мне? Ноги носят, я и хожу. Живу твоими молитвами.

— Ты, дед, про меня слухов не распространяй. Я тебя спрашиваю, кто тебя охраняет? Тебя кто-нибудь охранять должен, присматривать.

— А кому за мной присматривать? Маленькой я, что ли? Да и некому. Правнучек у меня есть, дельный старичек, работящий—так он занят, ему нет времени за мной ходить. А пра-правнуки учатся, им тоже некогда. Есть пра-пра-правнучка одна, так та совсем маленькая; с той я сам няньчусь.

— Не о „пра-пра-пра" речь; я тебя спрашиваю, у кого ты на учете состоишь?

— На каком учете?

— Где зарегистрирован: в Главнауке, в „Старом Петербурге", в Археологическом или каком другом музее? Куда ты приписан?

— Да никуда я не приписан. Как свободу дали, так я никуда не приписан, вольным хожу

— Ты, дед, не финти. Как ты есть памятник старины, историческая древность, так ты не можешь быть сам по себе, частной собственностью, так сказать. Ты, брат-дедушка, теперь народное достояние, а ты идешь один, не зная куда, без всякого призору. Этого дела так оставить нельзя.

— Да пусти ты . . . куда ты меня тащишь? . . . вот привязался.

— В самом деле, гражданин, оставьте вы старика в покое, вам что за дело?— вступился какой-то прохожий.

— Как это: „что мне за дело"? Народное достояние разрушается, а мне что за дело? Читали, как на-днях карету Иосифа Понятовского чуть-чуть в Польшу не увезли? Значит, и карета, по-вашему, не мое дело?

— То карета, а то живой человек.

— Тем ему стыднее; карета предмет неодушевленный, она не понимает, куда ее везут, а человек должен быть сознательным, и если он исторический памятник, так ему нечего зря по улицам ходить.

— Да не зря я,—плакал старик, — домой я.

— Домой он идет . . . Пусти его . . . — раздались голоса из собравшейся вокруг нас толпы.

— Виноват, граждане, а вы ручаетесь, что он идет именно домой, а не в какую нибудь заграницу? Вот вы, дамочка, меня сейчас дураком обозвали, а ежели вы сами такая умная, можете вы мне подписку дать, что его по дороге какие нибудь растратчики не расхитят? . . Ага, струсили? А вы, товарищ, можете удостоверить, что пока этот исторический старец идет домой, так ему хулиганы бороду или какую другую часть не отрежут и на барахолке не продадут? . . . Ага . . . и вы на попятный? Кричать умеете, а как до дела, так и стрекача. Извозчик! . . Садись, дед, поедем.

— Куда ты меня везешь? Куда? — выл старик.

— Не бойсь, дедушка, в музей поедем. Я тебя по всем музеям повезу, где дороже дадут. Сдам тебя под расписку. Родным твоим компенсацию за тебя уплатят, а тебе номер привесят, нафталином посыпят и в стеклянный ящик посадят: тепло, светло, сиди себе на здоровье. Не житье, а масленица. Извозчик, трогай!

Нур

ВЕРНАЯ ПРИМЕТА

— Не к добру это у меня все поясницу ломило . . .

— А что?

— Да вот перевели нас по зарплате из 3-го во 2-й пояс . . .

АВТОГРАФ

У каждого человека есть какая-нибудь страстишка.

Иные люди увлекаются, например, шахматами.

Подумайте только, что за странное занятие: наставят на доску каких-то коней, офицеров, королей и возятся с ними по шесть часов подряд.

Сидят-сидят, пыхтят—и для чего вся канитель? Чтобы в конце концов сказать:

— Мат!

Да, господи ж, разве нельзя это же самое слово (и еще позорней) сказать с меньшей затратой времени?!

А то существуют на свете другие чудаки—филателистами называются.

Эти люди, представьте, собирают всевозможные—наши и заграничные—почтовые марки. И собирают они марки, заметьте, старые, проштемпелеванные. И еще хвастаются:

— А я достал голландскую!

Вынимает осторожно; показывает. Языком лизать не дает.

Дрянь. Пустяк. А у филателиста на лице такое при этом удовольствие, словно ему снизили квартплату. Даже удивительно!

И, наконец, имеется на белом свете еще одна оригинальная страстишка: собирание автографов.

К этой категории „страстотерпцев" и относится герой нашего рассказа, Ваня Селедочкин.

Ваня Селедочкин где-то служит. Но служба—так, на втором месте.

Главное в жизни Вани Селедочкина—тщательно оберегаемый альбом автографов. Ах, чего только нет в его коллекции!

Впрочем, если чего-нибудь в ней и нет, то это только временно: будьте уверены, что он достанет.

Например, нет автографа писателя-юмориста Листкова, но и в этом направлении Ваней Селедочкиным приняты срочные меры.

У Вани Селедочкина есть знакомая—Ольга Афанасьевна, у Ольги Афанасьевны—двоюродный брат, Петр Петрович, который бывает в доме сестры писателя Листкова. На-днях Листков будет у Петра Петровича.

Вы видите, как это все удачно складывается!

* * *

Жизнерадостный, как и полагается от природы человеку в 20 лет да еще собирателю автографов, Ваня Селедочкин вскочил в переднюю Петра Петровича.

— Есть?—запыхавшись, прошептал Селедочкин.

— Есть!—ответил Петр Петрович.—Проходите в столовую. Чай пьем, болтаем.

— И он тоже чай пьет?—восхитился Ваня Селедочкин.

— Ну, разумеется, пьет. Не вечно ж ему рассказы писать! И писатели тоже чай пьют...

За столом сидело человек десять, а может быть—и больше.

Селедочкин неловко поклонился и скользнул на ближайший стул, чтобы поскорее стушеваться.

— Вот он!—радостно подумал Ваня Селедочкин, впившись глазами в бритое лицо брюнета, рассказывавшего что-то такое, от чего кругом покатывались со смеху.

— Эх, обидно!—подумал Селедочкин:—начала не захватил... С середки слушаю... Жаль!.. Может, неизданное рассказывает...

Он ёрзнул на стуле и наклонился к соседу.

— Простите... О чем это он рассказывает? Я, к сожалению, опоздал...

Сосед ответил, слегка пожав плечом:

— Право, не знаю. Не прислушивался.

— Идиот!—исступленно отметил в уме Ваня Селедочкин:—Не прислушивался! Бывают же такие идиоты! И, как на зло, сидит ближе меня и только заслоняет.

Ваня с ненавистью покосился на скучающее лицо соседа.

— Ну что бы догадаться предложить свое место!

В самый интересный момент, когда за искусно выдержанной паузой должна была последовать ослепительно остроумная развязка, этот подлый сосед вынул часы и, пробормотав:

— Вот те раз! Забыл завести!—обратился к взбешенному Ване Селедочкину: — Который час? Мои, представьте, остановились...

— Тсссс!—зычно, угрожающе зацыкать хотелось Ване Селедочкину и потом проворчать:—Хам-м!

Совсем так, как это делаем мы с вами, читатель, на лекции или в театре, по адресу шумливого соседа.

Однако же Ваня удержался, ограничившись презрительно-холодным ответом:

— Не знаю! Дома часы оставил..

Вторую половину он все таки осуществил: он проворчал „Хам-м!" в спину соседу, как только тот поднялся и выскользнул из столовой.

Разумеется, Ваня Селедочкин тотчас занял освободившийся стул. Теперь никто ему не мешал в оба глядеть в рот рассказчику.

— Господи! Как говорит!—восторгался Ваня:—прямо без запинки! И до чего смешно! Не подсунуть ли ему сейчас блок-нотик? Нет, неудобно. Обожду, когда уходить будет.

Наконец, настал вожделенный момент. Гости начали прощаться. Ваня вскочил, словно на пружине. Кинулся, выхватив из кармана блок-нот.

— Виноват... Одну минутку... Вот... Пожалуйста... Не откажите... У меня коллекция... вы понимаете, коллекция автографов... я буду счастлив, если вы... напишете мне что-нибудь...

* * *

И потом, минуту спустя, он ошалело вертел в руках блок-нот.

— Петр Петрович! Что же это такое?!

— А что?

— Взгляните, что здесь написано? Этот юморист подшутил надо мной! Кто же поверит, что это—автограф Листкова, если тут написано „Егор Паникадилов, похоронное бюро"?

Петр Петрович взглянул на бумажку.

— Да это ж и писал не Листков, а Паникадилов. Вы спутали, милый!.. Не по адресу попали!

— Позвольте, а который же был Листков?

— Вот чудак! Вы же сидели с ним рядом и разговаривали. Потом он встал и ушел. Молчаливый такой. Блондинчик.

— Этот?!—холодея, вскричал Ваня Селедочкин:—Господи! А я... его... хамом!..

В коллекции Вани Селедочкина покуда так и не хватает автографа Листкова.

Но Ваня достанет. Будьте покойны! Теперь он не ошибется. Теперь он знает, что веселые юмористы в жизни выглядят гробовщиками. И наоборот.

Ив. Прутков

ПЕРЕЖИТКИ ЯЗЫЧЕСТВА

Рис. Н. Радлова

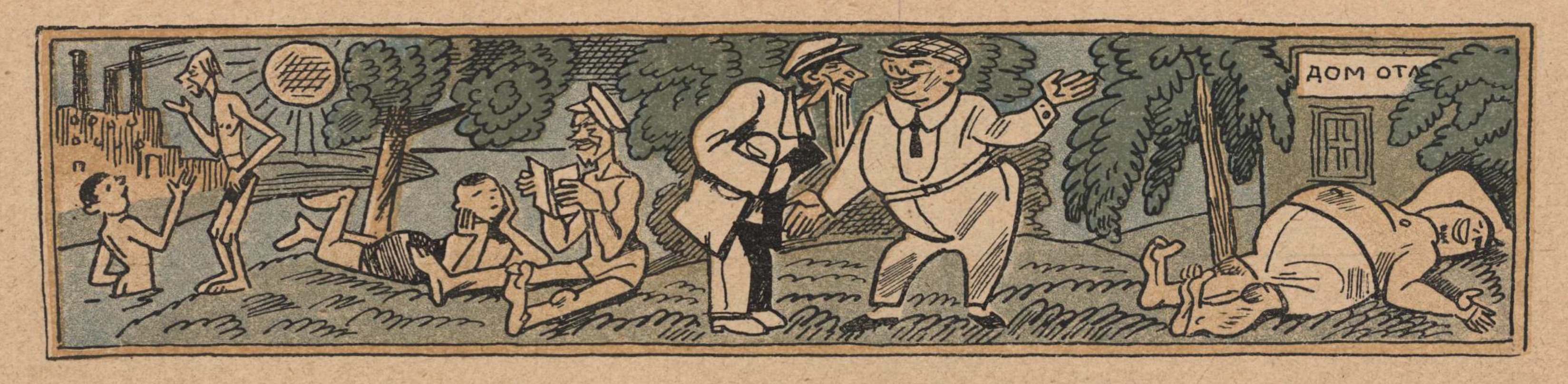
Помещаем обломок барельефа, найденный недавно при раскопках одной из стоянок доисторического человека. Изображенный здесь языческий обряд „заклания уборщицы" до сих пор еще, по слухам, не изжит в некоторых отдаленных (теплых) уголках СССР.

ОТСТАЛОСТЬ

Рис. В. Лебедева

— Мой Петя вечно от моды отстает.
— Как отстает?
— Все теперь режим экономии проводят, а он еще только на-днях растрату сделал.

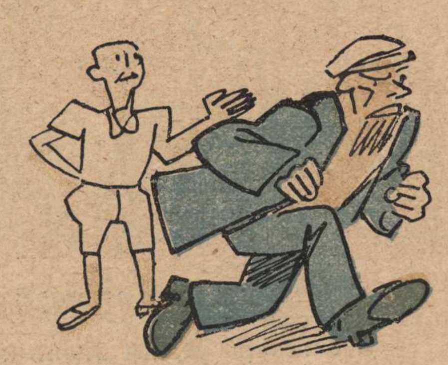
Рисунки А. Радакова

КУЗНИЦА ЗДОРОВЬЯ

Рассказать вам, что ли, дети,
Про житьишко дяди Пети?
Дядя Петя — деловой;
Дядя Петя — с головой;
Бороденка, что мочала,
Да здоровье подкачало,
Ну, и выдохся до тла
У фабричного котла.
А сработавшись до ручки,
Обождал до дня получки
И сказал начальству: — „Ну,
Завтра за город махну!“
Глянув сбоку, глянув сзади,
Говорит начальство дяде:
— „Я, брат, вижу и само,
Что дела твои — дерьмо;
Посему, пока не помер,
Хряй скорей на 3-й номер
И вали на острова!
Там — зеленая трава,
Превосходная природа,
Очень много кислорода
И, как сказывал народ,
Даже есть и водород.
Ну, опять же и водица
Для здоровья пригодится.
Обольсти-тель-ный климат —
Это всякий понимат!“
Дядя выслушал программу
И потопал прямо к траму.
И едва купил билет —
Стал моложе на пять лет.
Вот он едет, едет, едет;
Островами сладко бредит;
Видит — солнышком облит,
Домик отдыха стоит.
Слез. Вошел. Светло. Нетесно.
Принимают расчудесно.
Все заботятся о нем:
— „Мы вас живо отдохнем!
Сами видите — природа,
Очень много кислорода,
И, как сказывал народ,
Даже есть и водород!
Ну, само собой, водица...
Не хотитца-ли пройтитца?
Стрелка — очень хороша.
Вообче — Алеша-ша!
Перед тем же, как на Стрелку,
Вот вам супчику тарелку,
Под заглавием „бульён“,
В ём калорий — миллион!“
За окошком — море, небо...
Дядя взял краюху хлеба:
Дескать, что еще пока,
Дай пошамаем слегка;
А потом, едят-те мухи,
Поиграем малость в рюхи;
А потом на травке днем
Под березкою всхрапнем!
Хорошо, ей-богу, дяде...
Вдруг подходит кто-то сзади —
Вовсе наголо обрит —
И, конечно, говорит:
— „Потому как я — маэстро
Очень чудного оркестра,
Чтобы вам не закисать,
Разрешите записать?“
— „Не играл, братишка, сроду.
Мне бы в смысле кислороду...“
— „Мы научим вас в момент,
Получайте инструмент!“
Дядя смотрит мутным взглядом.
В это время кто-то рядом:
— „Что? Примазались к борщу?
Ну, а я ищу, ищу.
Вы, наверное, поете?“
— „А ни-ни!“ — „Пойдите к тете!
Сразу видно — голосок
Очень тонок и высок.
Подходил вплотную к массам,
Запишу-ка я вас басом!“
— „Это что же? За вихор?“
— „Что вы, что вы! Просто — в хор!
Получайте — вот вам ноты!
Это, значит, „Гугеноты“.
В восемь спевка. Карауль!
Будешь в роде, как Рауль!“
Дядя смотрит: Вот так нота!
Ну, а рядом третий кто-то:
— „А нельзя ли вас, дружок,
Присобачить в спорт-кружок?
Одного вчера я выпер,
Значит — ты теперь голкипер!
Будь помене борода,
Записал бы в форварда!“
Дядя встал с улыбкой дикой.
А ему: — „Ступай, покикай!
Не рассыплешься, ведь, чай!
Вот и мячик — получай!“
Дядя мыслит: — „Что со мною?“
А четвертый за спиною:
— „Ей, послушай, борода!
Кикать — это ерунда!
А вот в смысле культ-отдела —
Это, брат, иное дело!
В две минуты, на лету,
Я, брат, лекции прочту:
Про политику Европы,
Как Тома пошел в холопы,
Как английский мистер Хикс
На ударе сделал кикс,
Ну, само собой понятно,
Выражаясь адэкватно,
Буржуазный элемент
Не упустит свой момент.
И, конечно, у Бриана
Вместо форте вышло пьяно,
Потому как у Кайо,
Что-то, вовсе — не таё.
И опять же — горняки же:
В смысле платы, чтобы ниже,
Под предательским бичем
Несогласны нипочем.
Вообще за это лето,
В отношении бюджета,
Как и в прошлые года...
Стой, товарищ! Ты куда?
Это-ж только — кон'юнктура:
У панов губа не дура,
Но развязка — впереди!
Да куда-ж ты? Погоди!
Ведь румынские бояре
В политическом угаре —
Вывод ясный и простой...
Да постой же ты! Постой!!!“
— „Нет, товарищ! Извините!
Хоть веревкою тяните —
Мне на это начихать —
Не сог-ла-сен от-ды-хать!
Это что же за такое?
Ни минуточки в покое,
А совсем — наоборот.
Вот тебе и кислород!
И хоть дома угол черный,
В роде будто как в уборной,
Но, спасибо, милый мой,
Побегу скорей домой!“
И, свирепым волком глядя,
Дядя Петя, Петя-дядя,
Подхватив свой узелок,
Да в карьер — за уголок.
А напористый маэстро
Из какого-то оркестра,
И еловая башка
Из какого-то кружка,
И лихой правитель хора
Преисполнены укора.
Над травою муравой
Покачали головой.
А чудак из культ-отдела,
Видя этакое дело,
От обиды задрожал:
— „Тьфу! И этот убежал!“

Владимир Воинов

ОБИЛЬНАЯ ЖАТВА

(КАЛИНЫЧ В ОТПУСКУ)

Рис. Б. Антоновского

Калиныч: — Ну, теперь поработаем...
Художники: — Ну, теперь подработаем!..

40 ЛОШАДЕЙ и 8 ЧЕЛОВЕК

СТРАНИЧКА ИЗ ДОКЛАДА

Техника ревизионных комиссий за последние годы сделала большие успехи; по всему фронту растраты ревкомиссии ведут настойчивые и успешные аттаки. Предлагаемый читателю экстракт из доклада ревкомиссии „Томский Отчет Местного Хозяйства“ интересен, как образец исключительного литературного стиля, коему могут позавидовать многие столичные спецы. Цитируем по „Кр. Знамени“:

. . . Пришло́сь по каждому данному индивидуальному случаю созревать в понимании всех деталей дела, так сказать, не по дням, а по часам. В то время, когда рабочий аппарат Кожпрома на каждой детали своего дела имел мозг, работника тренированный всеми оттенками быта за и против формы и качества той или иной действующей деловой детали, ревизионной комиссии пришлось напрячь всю свою мозговую энергию, чтобы исключить все бытовые противоречия вокруг одного и того же конкретного случая, чтобы выйти на верный путь и взять правильную линию в своей работе.

. . . Из чувства человечности мы понимаем, что все люди и все могут раздражаться, так нервы человека не всегда нормально функционируют. . .

. . . Нужно вспомнить, что спичечная фабрика перешла в губ местхоз от «химоб'единения», которое, блаженной памяти, сосало в материальном отношении фабрику, как апельсин.

. . . Одно то, что протокол ревизионной комиссии идет за двойной датой 12 и 13 мая 25 г., указывает на то, что явление не совсем обыкновенное, и, действительно, это было, что называется, «битва русских с кабардинцами.

Этих четырех отрывков вполне достаточно, чтобы восхититься остроумием томских ревизоров, именующих себя русскими и причисляющих всех прочих к „кабардинцам“.

Обидно, что таких талантливых людей *медленно* засасывает сибирская тайга—таких людей *сразу* в шею гнать надо!

САЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Существуют в Коканде (Средняя Азия) Центральные педагогические курсы.

В феврале месяце 1926 года, по словам „Правды Востока“:—

Заведывающему курсами пришла в голову идея приобрести *за счет сумм, ассигнованных Наркомпросом на просвещение полтораста пудов бараньего сала.*

При полной нагрузке, все студенты оказались в состоянии с'есть в день 20 фунтов сала.

Получился грандиозный запас сала на 300 дней. Перед педкурсами встал вопрос о приобретении усовершенствованных холодильников или об открытии свечного завода, заранее обеспеченного сырьем.

Неизвестно, до чего дошли бы просвещенцы в своем хозяйственном ажиотаже, если бы на помощь не пришла природа.

Сало не выдержало назначенного ему стажа и потихонечку стало вонять.

Дальше — больше.

Сало воняет на весь Коканд.

А вся эта сально - педагогическая история „попахивает“ на весь СССР!

БЫСТРОНОГАЯ КОМИССИЯ

В Гомеле, не в пример прочим городам С.С.С.Р., комиссии работают чрезвычайно быстро. Например:—

Недавно комиссия губотдела союза совторгслужащих обследовала кооперативную лавку № 2 ДТПО по линии охраны труда. От приказчика комиссия узнала, что он работает больше 8 часов, так как нет замены. Членом комиссии все это было отмечено.

В это время подходит зав. лавкой со словами: «Что это за канцелярия?» Не успели ему ответить, как вдруг подходит взволнованный предправления ДТПО Химаков и, повторяя слова зава о конспирации, раскричался: — вон отсюда!

Члены комиссии пробовали успокоить его, но ничего не помогло.

— Позовите милиционера!—обратился он к служащим.

Сбежались покупатели, а также публика с улицы. Но комиссия, не дожидаясь милиционера, сама ушла. („Полесск. Пр.“)

Положим не—ушла, а удрала. Во всяком случае, работа протекала *без задержки.*

И немудрено: задержись она на минуту — сидеть бы ей, несчастной, в милиции!

ОТВЕТРАБОТНИЧЕК

„Харьковский Пролетарий“ рассказывает о разложившемся партийце Высоцком:

Высоцкий выдвигается на ответственную работу председателя рабочкома строителей. Методы его профессиональной работы достойны изучения профессионального историка.

Каждый рабочий у Высоцкого обязательно должен был выписывать газету. Хочет ли он или нет, грамотен он или нет,— для Высоцкого безразлично. Никто не имел права отказываться, возражений предрабочкома не терпел. Расправа была короткая — «уволить, как дезорганизатора среди рабочих».

Когда один рабочий пришел к Высоцкому просить возвращения денег за выписанные для его отца и брата газеты, так как они абсолютно безграмотны Высоцкий написал под пьяную руку предписание производителю работ следующего содержания:

«Рабочком предлагает немедленно уволить т. (такого-то), как дезорганизатора среди рабочих. Пред. рабочкома Высоцкий“.

К счастью, есть еще порох в контрольной комиссии КПУ в Харькове.

И с „высоцкого“ места—полететь нетрудно.

КОРОВА В СОЦСТРАХЕ

По сведениям „Рабочего Края“, не так давно:—

у ткача Новинской М - ры Артамонова заболела корова. Ветврач нашел, что болезнь коровы требует хозяйского ухода. Ткач подрал в амбулаторию. Получил бумажку: „Необходим уход за коровой“.

Через пять минут больничный листок был заполнен и подписан, поставлены соответствующие печати, и Артамонов мчался в контору для проставления в листке заработной платы. А оттуда в комиссию получать деньги..

Вот тут-то и запятая!

Наложили на листок новую печать, а на ней мудрую подпись нацарапали и вышло вот что:

«Оплате не подлежит, ибо корова к социальному страхованию не подходит».

— Нет в людях к животным жалости! Чиновники, а не люди! Тьфу!

ХОТЬ ВИДИТ ОКО...

Рис. Н. Гадлова

Кражи надгробных памятников не прекращаются. (Из городской хроники).

— Эх-х... И мильтона нету, и памятнички фараоновы—что надо... Да не унесешь!

СВЯТАЯ ПРОСТОТА

Рис. А. Радакова

— Всякая гроза, мамаша, от электричества.

— Ну, это, сынок, врешь! В нашей деревне и лектричества-то нет! Керосин потребляем!

РЕМЕНЬ

Я сидел на веранде дома отдыха № 7, бывшего дворца каких-то князей с фамилией когда-то достаточно громкой и сейчас позабытой. Рядом со мною расположился блондин в клетчатой кепке. Он с восхищением разглядывал какой-то ремень. Это был самый обыкновенный солдатский ремень, уже почерневший от времени и порядком засалившийся.

— На этом ремне я читаю страницы наших послереволюционных горестей, забот, невзгод и достижений,—сказал блондин в клетчатой кепке.

— В чем дело?—переспросил я, не мало удивляясь.

— Этот ремень—история нашей власти,—продолжал, улыбаясь, мой собеседник и передал мне ремень.—Обратите внимание на эти дырочки...

Я обратил внимание, но кроме того, что увидел ряд обыкновеннейших дырочек, которые служат масштабом животу, я не заметил больше ничего особенного.

— Эх, вы!—сказал с некоторым сожалением обладатель ремня.—Плохой из вас археолог, коли вы не можете прочесть этот ряд иероглифических дырочек... Вот смотрите!

И он продолжал с восхищением:

— Дырочка четвертая с краю—она первая в тот момент, когда мне выдали этот ремень. Это было в семнадцатом году, и я поступил как раз в Красную гвардию... Затем дырочка третья с краю—восемнадцатый, с восьмушкой хлеба годочек. Сильно подводило тогда животы, и мы все подтягивали наши ремни, прорезая новые дырочки... А вот..

Он вздохнул и показал на первую и вторую дырочки, видимо впоследствии слившиеся в одну.

— Это самый тяжелый период. Конец девятнадцатого года. Помню, мы три дня не получали даже и овсянки. Я штыком пропорол вторую, а через неделю и первую..

— А потом,—продолжал мой сосед,— смотрите дырочки с этого краю. На этой я жил почти два года, потом все они пошли в обратном порядке. Вторая, третья, четвертая, пятая... Дырочки резались уже не штыком, а пробивались домашним гвоздем... Двадцать четвертый, двадцать пятый год...

Он махнул рукой, встал и, подтянувши штаны этим ремнем, вздохнул глубоко, как корова в сарае, и сказал несколько виновато:

— Простите... Я только что пообедал и вот... Вот этот ремень уже не сходится. Нет ли у вас ножичка провертеть новую дырочку? Вчера еще была она как раз, а сегодня.. Вероятно, виноват этот обед, потом, может, эта спокойная жизнь..

Он прорезал моим ножом новую дырочку, и мы расстались. А сегодня утром я читал, что урожай 1926 года предполагается на много больше 1925 года...

Хватит ли моему короткому собеседнику еще места на ремне для следующих дырочек, или же ему придется сдать его в музей революции?..

В. Тоболяков

ОСЕННИЕ МЫСЛИ

1. Старая галоша напоминает частного торговца: она еле держится на ногах.

2. Легче угрозыску предсказать „мокрое дело", чем обсерватории предвидеть дождь.

3. Неустойчивый социалист и осенний лист имеют много общего: перед тем, как окончательно пасть, оба желтеют.

4. Увидав во главе своего кооператива дубину, не думай, что топлива у нас достаточно.

5. Платя осенью алименты трем женщинам сразу, не говори, что у тебя нынче бабье лето.

М. К-ий

С РАЗГОНУ

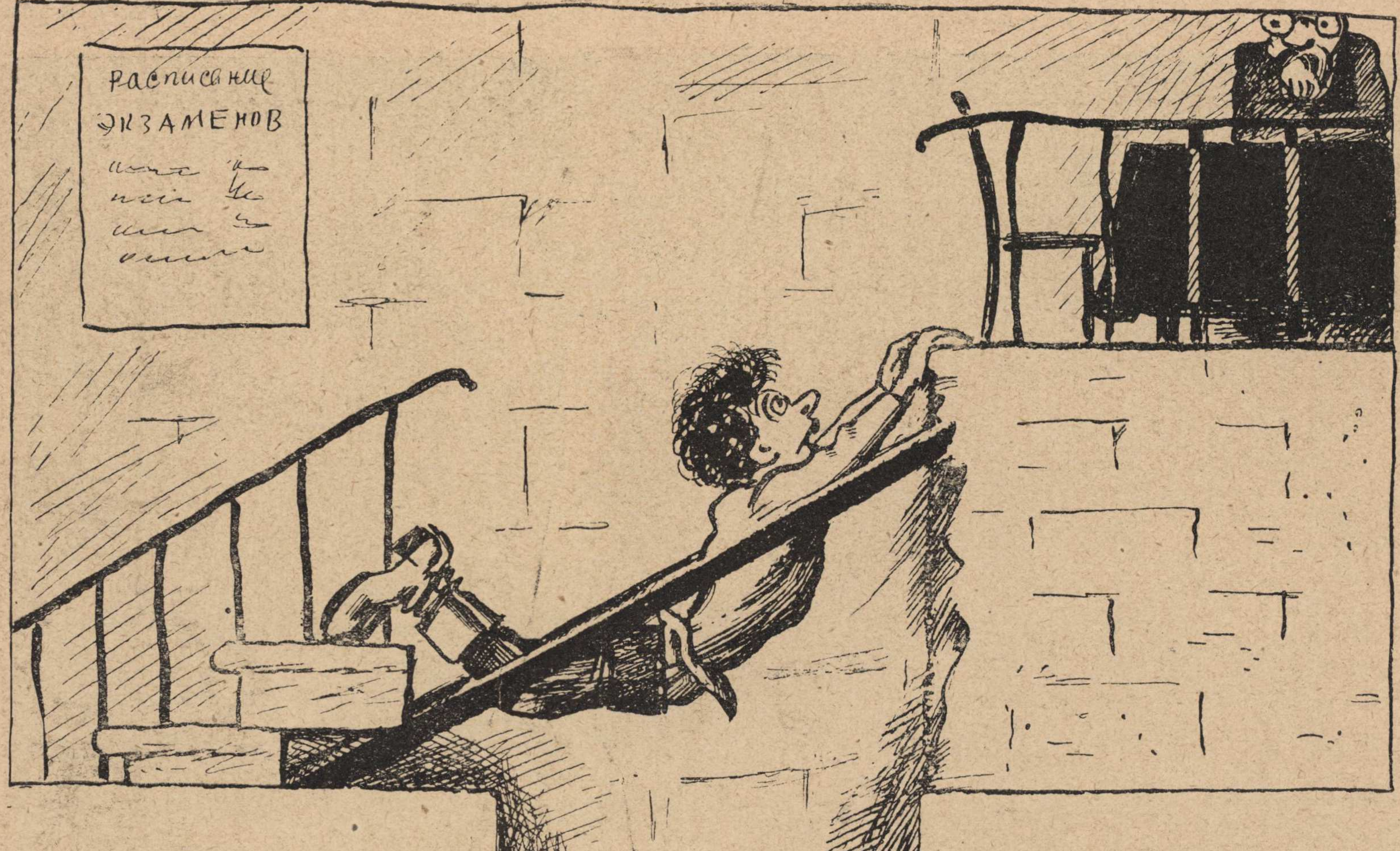
— Извозчик! На малярийную станцию — полтинник!

— А багаж-то большой будет?

К.

Рис. Н. Радлова

Экзамены в ВУЗ'ы показали недостаточность подготовки школ 2-й ступени. (Из газет).

ПРОФЕССОР:—Тянитесь-тянитесь!
ШКОЛЬНИК:—Ой... кажется, не выдержу!..

КЛОПЫ

Оригинальная (т.-е. ни у кого не украденная) комедия.

Действующие лица:

Первый клоп. Солидный и уравновешенный.

Второй клоп. Не менее солидный и не менее уравновешенный.

Третий клоп. Мразь.

Место действия: стена дежурной комнаты кондукторских бригад на станции Заплеванной.

1 клоп. Здравствуйте, почтеннейший! Обедать?

2 клоп. Здравствуйте. Иду обедать. Не знаете, какое сегодня меню?

1 клоп. Меню сегодня удовлетворительное: два машиниста, три кондуктора и очень-очень толстый проводник. Рекомендую вам взять на первое левого машиниста, а на второе непременно проводника. Особенно могу рекомендовать его переносицу. Очаровательная переносица.

2 клоп. Увы! Я страдаю аппендицитом и мне врачи решительно запретили переносицу.

1 клоп. Тогда обратите внимание вот на того маленького кондуктора,—совершенно вегетарианское блюдо.

3 клоп. Ааа! Здрасте! Здрасте! Здрасте!

1 и 2 клопы (очень сухо). Зд-рас-те.

3 клоп. Обедать? *(Юлит).*

1 и 2 клопы (еще суше) Мо-жет быть.

3 клоп. Я сегодня уже обедал и, представьте, без всякого удовольствия. Ужасная новость, которую я узнал сегодня, убила во мне всякий аппетит.

1 клоп. Гм...

2 клоп. Гм...

3 клоп. Сегодня утром, завтракая слесарем Егор Иванычем, я вдруг почувствовал, что мое блюдо поднимается и идет, и я без всякого желания совершил прогулку в контору начальника участка. Что я слышал! Что я слышал!

1 клоп. Ну?

2 клоп. И что...

1 клоп. Же?

3 клоп. Я сам совершенно отчетливо слышал, как все наши дежурные блюда решительно требовали побелки этого помещения на предмет... я... не могу выговорить!

1 клоп. Ну?

2 клоп. Ну же, ну!

3 клоп. На предмет уничтожения нас!

1 клоп (смачно хохочет). Ха, ха, ха!

2 клоп (смачно хохочет). Хо, хо, хо!

3 клоп (юлит). Хи, хи, хи... Хотя я думаю, что это скорее трагично, чем смешно.

1 клоп. Вы глупы.

2 клоп. Вы—осел.

1 клоп. Вы—идиот. Мы просто не желаем с вами разговаривать. Пошли вон!

3 клоп. Однако...

2 клоп. Глупые сплетни можно рассказывать только дуракам. Пошли вон!

3 клоп. Однако... *(ретируется).*

1 клоп. Сплетник! Сорока бесхвостая!

2 клоп. Сморчок короткобрюхий! Приступим?

1 клоп. Приятного аппетита.

Дежурное блюдо (шевелится и во сне ругается). Ах, трах-та-ра-рах, так, так, так! *(Засыпает).*

1 клоп (накушавшись). А как вы думаете,—дыма без огня не бывает... Вдруг, правда, побелка?

2 клоп. Что вы, что вы! Невозможно-с, голубчик, невозможно... Наконец, я так привык к этому ресторану, что если эти негодяи осмелятся явиться с побелкой, я прямо на них крикну: „Да как вы смеете"!

1 клоп. Конечно. Вы правы. В случае чего и я вас поддержу.

Евграф Дольский

ОПОЗДАЛИ, ПРОФЕССОР!

Киевским проф Гольдманом изобретены „смертоносные звуки“. („Кр. Газ.“)

Ах, профессор, жрец науки,
Плачьте в собственный жилет:—
Смертоноснейшие звуки
Существуют сотни лет!

Ваш секрет — в цене полушки,
Вы протерли зря штаны! —
Сколько лет гремели пушки
На глухих полях войны?

Стрекотали „автоматы“,
Пулемет чинил разгром,
И скрипели дипломаты
Самопишущим пером?!

Ах, профессор, жрец науки,
Как вопрос ни освещай,
Проморгали эти звуки
Вы, профессор, невзначай.

Я хотел бы вам похлопать,
Но жалею вас в беде:
Взят давно патент Европой
На земле и на воде!

Александр Флит

ШТРЕЙКБРЕХЕР ПО-МЕКСИКАНСКИ

В Мексике забастовали католические священники.

Шла „забастовщиков“ толпа.
Штрейкбрехеров искала с фонарем.
И вдруг застукала попа
За алтарем.
—Как так?—вождь „стачки“ закричал —
Ты не читаешь стачечной листовки?!
— О, братие!—штрейкбрехер отвечал,—
Молюсь я об удаче забастовки!

А. Македонский

СВЕРХУРОЧНОЕ

Рис. В. Малаховского

СПЕЦ-ПРОГУЛЬЩИК С НАГРУЗКОЙ

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Мы знаем множество весов разных систем — от простых и неуклюжих торговых до миниатюрных и чутких аптекарских, но до сих пор мы не имели никакого представления о специальных весах для взвешивания... *детей заграничного производства!*

Оказывается, такие весы существуют в Харькове.

Приводим об‘явление, напечатанное в харьковской газете:

КУПИМ
В „КАПЛЮ МОЛОКА“
ВЕСЫ для взвешивания детей заграничного производства, адрес. Мороховецкая набережн., у Дмитриевского моста. 9054

Очевидно, для харьковских объявителей существует и грамота заграничного производства, согласно которой они составляют объявления.

*

В „Вечерней Москве“ в статье „Стружки“ Москвич пишет:

В. Князев опубликовывает подлинное об‘явление, найденное им в Настольном Крестьянском Календаре на 1926 год.

А *где* опубликовывает — об этом в статье Москвича не указано.

Так заинтересовавшее Москвича объявление опубликовано нашим сотрудником В. Князевым *в „Смехаче“*.

Мы просим всех, пользующихся материалами, опубликованными в „Смехаче“, обязательно указывать источник, а в скобках прибавлять:

„Подписная плата на 3 месяца 1р. 70 к., на месяц — 60 коп.“

*

Есть газеты, выходящие с лозунгом „Долой Неграмотность“. Надо бы такой лозунг воспринять и „Веч. Кр. Газете“ (Ленинград), а то в № 130 читаем:

В холодный октябрьский вечер 1926 года, когда сумерки сгустились над крошечной немецкой колонией Волкова, насчитывающей 8 домов, Екатерина Граулe услышала разухабистую песню. Ее пели два молодых колониста—Готлиб Гер и Павел Риттер. *Песня закатилась по направлению к дому Эргардтов...*

„Песня закатилась по направлению“... В самом деле, куда мы катимся: дальше, кажется, и некуда!

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

63. Одесса, А. Я. „Надеюсь, что мои рукописи заслуживают уплаченного ответа“.

Чего угодно заслуживают, только не подписи под одним из фельетонов —„Совнарком“.

Ну, какой же вы Совнарком? Ах, Одесса, Одесса!..

64. Омск, В. Реглету. „Алименты“— скверный пересказ ходячего анекдота, вдобавок уже использованного в журналах. А „Симуляция“—просто плохо.

65. Казалинск, П. У. Вы пишете в стишках:

Пропить больше нечего,
Ибо он наг.
Придется ждать вечера
Или ползти по заборам, как рак.

Почему ж именно—как рак? Ни один уважающий себя рак ни по заборам не ползает, ни плохих стихов не пишет. Это, извините,—раковое заблуждение.

66. Ростов-Д, Тине. „Из-за угла, не из опушки, баранов гонят в бой-завод“.

Правильно: из опушки нельзя гнать баранов—неграмотно.

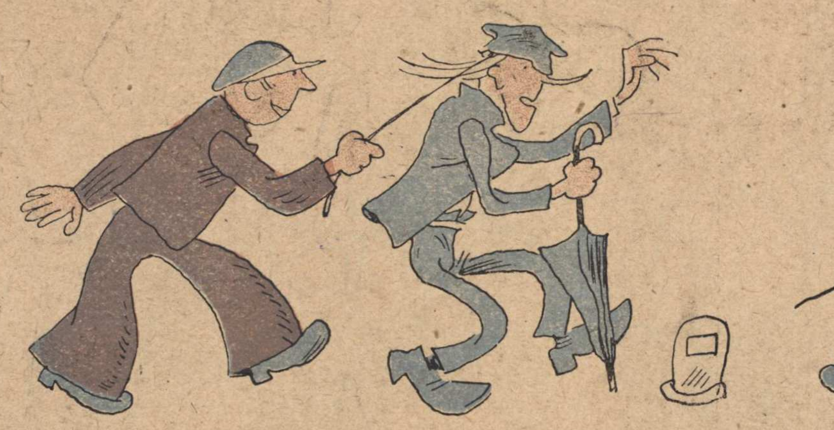
Ив. П.

Издатель „ГУДОК“. Ответственный редактор А. С. Андрейчик.

Ленинградский Гублит № 19931. Гос. тип. им. тов. Зиновьева. Ленинград, Социалистическая, 14. Заказ № 3700. Тираж 80.000.

«БОРЬБА С ХУЛИГАНСТВОМ ПРОДОЛЖАЕТСЯ», «МЕРЫ ПРИНИМАЮТСЯ» ЕВЛАМПИЕМ НАДЬКИНЫМ

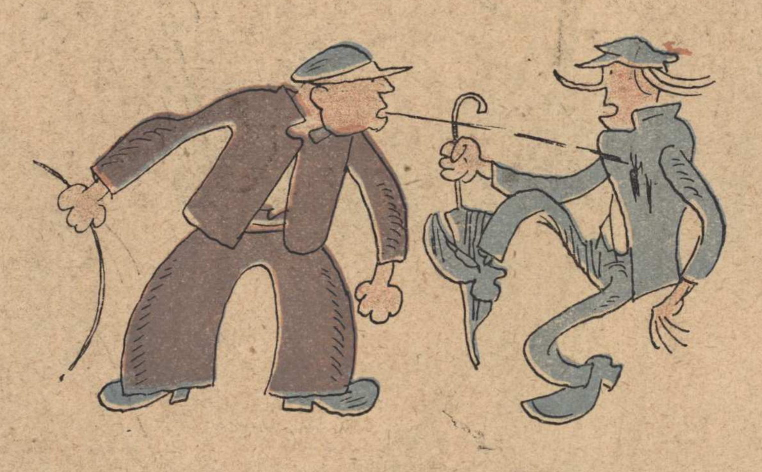
Рис. Б. Антоновского — *Текст Ив. Пр*

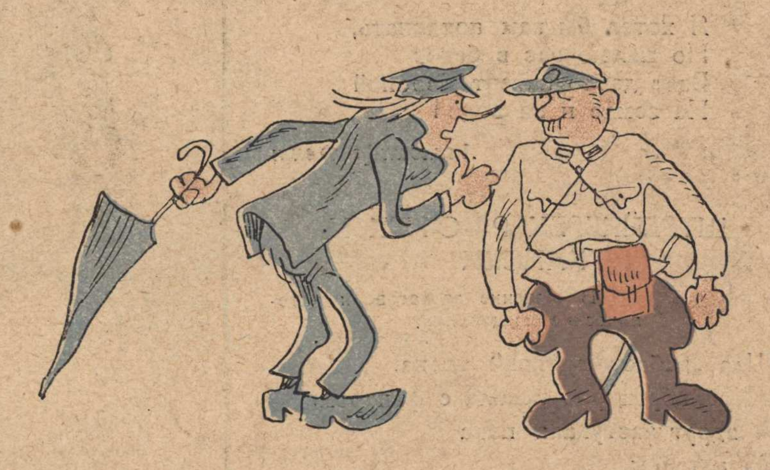
1. Нет покоя от шпаны—
Так и жди, сорвут штаны!

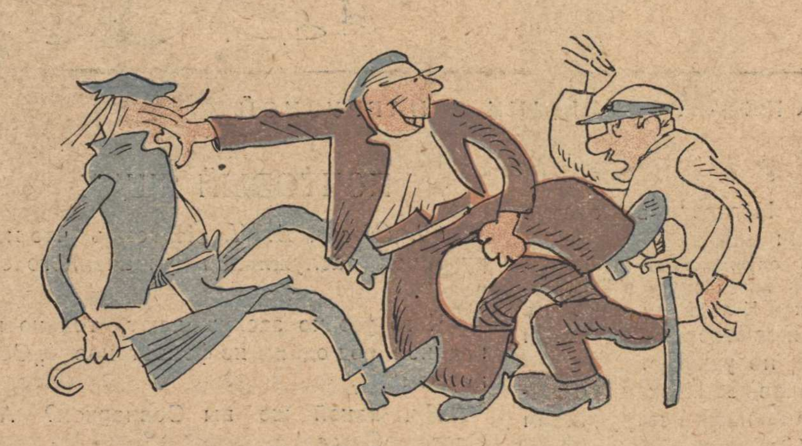
2. Надькин хамством не сражен—
Смело лезет на рожон.

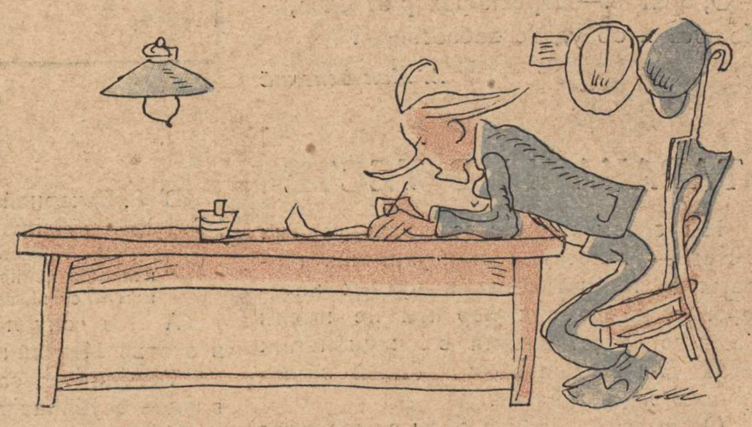
3. Ах, напрасны все слова —
На слова плюёт братва...

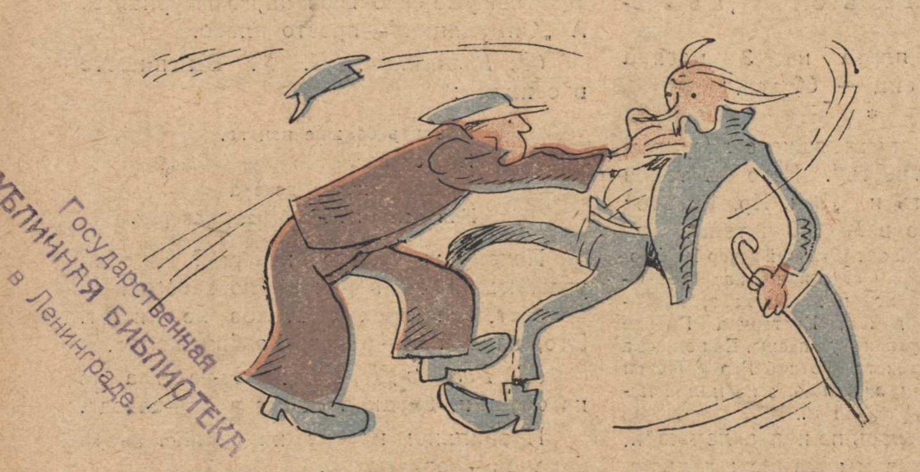
4. Постовой у сквера бдит:
Он буяна убедит!

5. Хоть мильтон—надежный щит,
Но и тот по швам трещит...

6. Надькин—слава небесам!—
За борьбу берется сам.

7. Он—на правильном пути,
Только-б заживо дойти,—

Строго воспрещается
вход в сады и парки
хулигана
Евлампий Надькин

8. Успокоен будет сквер—
Мерой, прочим не в пример!